

Рец.:
Пьер Корнель
Пьесы
Составление, предисловие и примечания
Н. П. Козловой
М.: Московский рабочий,
1984. – 397 с. (Школьная библиотека)
Для старшего школьного возраста

Трехсотлетие со дня смерти крупнейшего представителя французской классической трагедии Пьера Корнеля (1606-1684) ознаменовалось для русского читателя выпуском двух изданий его сочинений — двухтомного «Театра» в издательстве «Искусство» и сборника «Пьесы» в «Школьной библиотеке» издательства «Московский рабочий». Подобное внимание к великому драматургу-классицисту нельзя считать преувеличенным: и взрослый и юный читатель имеют свои права на знакомство с тем, кто для французского читателя и зрителя и по сей день является живым классиком. До сих пор представления школьников-старшеклассников о зарубежном классицизме ограничивались Мольером, писателем, по сути дела, выходящим за границы этого литературного направления. Инициативу «Московского рабочего», обратившегося к классику французской трагедии Корнелю, можно считать смелой и заслуживающей одобрения. Составитель сборника, известный специалист в области французской литературы XVII века Н. П. Козлова, в основном справилась с задачей отбора из драматургического наследия Корнеля наиболее интересных, увлекательных для школьника произведений. Нельзя, впрочем, не заметить, что составитель, преподаватель Московского университета, при отборе материала невольно сместил направленность издания: создается впечатление, что книга адресована не столько школьнику, сколько студенту. Так, сюда включены теоретические сочинения Корнеля («Рассуждения о полезности и частях драматического произведения», «Рассуждения о трагедии и о способах трактовать ее согласно законам правдоподобия или необходимости»), которые вряд ли доступны для восприятия юного читателя. Мы находим в сборнике и комедию «Иллюзия», призванную, видимо, создать представление о многосторонности дарования драматурга, но художественно несовершенную и потому неуместную для первого знакомства с писателем, вхождение в мир которого и без того требует усилия. Усилие это, как известно, сопряжено с тем, что театральная система классицизма, одним из создателей которой был Корнель, основана на иных принципах правдоподобия, прибегает к иным принципам типизации, нежели те, которыми руководствовался европейский театр с XIX века. И дело, может быть, не столько в «подражании древним» и не в знаменитых «единствах», сколько в рационалистическом конструировании характеров и обстоятельств, моделировании особого театрального универсума, развивающегося по иным законам, нежели мир реальной действительности. Реальность в этом универсуме, конечно, присутствует, но в опосредованном, абстрагированном, вневременном, «вечном» виде. Классицистический театр имеет дело с «вечным» человеком и «вечными» проблемами, что не мешает его героям и ситуациям являть сложный сплав истории и современности, где прошлое, однако, не является прозрачным покровом, за которым проглядывает современность, а воссоздается в соответствии с мировосприятием человека XVII века, для которого «удел человеческий» постоянен и неизменяем.

Это обстоятельство особо подчеркивается в предисловии Н. П. Козловой, что является его положительной стороной, ибо в издании для юношества особенно велики соблазн и опасность соскользнуть в сторону социологизирующей «актуализации»

классицистической трагедии, прямолинейной «увязки» ее с конкретными историческими событиями своего времени, чем еще недавно грешило и «взрослое», академическое литературоведение. Очень важно, что при разборе корнелевского шедевра — трагедии «Сид» Н. П. Козлова видит в нем «не только трагическую коллизию, возникающую при столкновении личности с обычаями и нравственными представлениями феодального мира». Смысл трагедии, ее общечеловеческое звучание гораздо шире: «В «Сиде» восславлены иные основы человеческого общежития, более широкие, чем кодекс чести и рвание об интересах семьи». Подобные же принципы лежат в основе подхода Н. П. Козловой и к остальным трагедиям сборника — «Гораций», «Цинна» и «Никомед» (отсутствие такого первоклассного произведения, как «Родогуна», является серьезным изъяном книги).

Несомненным достоинством издания является уважительное отношение составителя к достижениям отечественной переводческой школы. В отличие от иных изданий, где в погоне за новизной ради новизны в который раз переводятся давно уже переведенные на высоком уровне произведения, сборник издательства «Московский рабочий» дает, скажем, «Сиду» в довоенном переводе М. Л. Лозинского, которому суждена, надо думать, еще долгая литературная жизнь. Издательство «Искусство», опубликовавшее новый перевод — Ю. Корнеева, более «читаемый», более «гладкий», но и более прозаичный, будничней, не «поэтический» (вспомним, блоковские слова о «глыбах стихов высочайшей пробы» по адресу Лозинского), несомненно проиграло в глазах разборчивого читателя.

Детская литература. — М., 1985. — № 8. — С. 74.